
УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ
И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
НА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2023 г. С. И. Вершинина^{1, *}, В. А. Лазарева^{2, **}

¹Тольяттинский государственный университет

²Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева

*E-mail: svetlana-vershinina@ya.ru

**E-mail: v.a.lazareva@mail.ru

Поступила в редакцию 30.10.2022 г.

Аннотация. Анализируя влияние современных технологий на уголовный процесс, авторы приходят к выводу, что автоматизация и цифровизация уголовно-процессуальной деятельности не приведут к положительному результату, если не будут устранены имеющиеся в действующем законодательстве неточности, пробелы и противоречия, создающие сложности в текущей правоприменительной деятельности. С учетом грядущей автоматизации и цифровизации уголовного процесса предлагается переосмыслить и по-новому определить некоторые процессуальные термины и институты, в том числе такие, как сообщение о преступлении, поводы и основания к возбуждению уголовного дела, доследственная проверка, уголовное дело.

Ключевые слова: цифровизация уголовного судопроизводства, цифровизация досудебного процесса (предварительного расследования), цифровые технологии, автоматизация процесса, сообщение о преступлении, поводы к возбуждению уголовного дела, основания возбуждения уголовного дела, уголовное дело, электронное уголовное дело, электронный документооборот, удаленное участие.

Цитирование: Вершинина С.И., Лазарева В.А. Влияние цифровых технологий на совершенствование правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности // Государство и право. 2023. № 7. С. 100–110.

DOI: 10.31857/S102694520022898-8

THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES
ON IMPROVING THE LEGAL REGULATION
OF CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITIES

© 2023 S. I. Vershinina^{1, *}, V. A. Lazareva^{2, **}

¹Togliatti State University

²Academician S.P. Korolev of Samara National Research University

*E-mail: svetlana-vershinina@ya.ru

**E-mail: v.a.lazareva@mail.ru

Received 30.10.2022

Abstract. Analyzing the impact of modern technologies on the criminal process, the authors come to the conclusion that automation and digitalization of criminal procedural activities will not lead to a positive result if the inaccuracies, gaps and contradictions in the current legislation that create difficulties in current law enforcement activities are not eliminated. Taking into account the upcoming automation and digitalization of the criminal process, it is proposed to rethink and define some procedural terms and institutions in a new way, including such as reporting a crime, reasons and grounds for initiating a criminal case, pre-investigation check, criminal case.

Key words: digitalization of criminal proceedings, digitalization of pre-trial process (preliminary investigation), digital technologies, automation of the process, reporting of a crime, reasons for initiating a criminal case, grounds for initiating a criminal case, criminal case, electronic criminal case, electronic document management, remote participation.

For citation: *Vershinina, S.I., Lazareva, V.A. (2023). The impact of digital technologies on improving the legal regulation of criminal procedural activities // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 100–110.*

Введение

В последние десятилетия все чаще употребляется определение «цифровой»: цифровая экономика, цифровые технологии, цифровые устройства и т.д. Цифровизация входит практически во все сферы нашей жизни и делает ее значительно проще и эффективнее. Цифровые технологии используются для хранения большого объема информации, обеспечивают быструю и удобную передачу данных, автоматизацию процессов, управление электронными приборами и т.д. Достижения технического прогресса в полной мере влияют и на деятельность органов государственной власти. Нашли свое место цифровые продукты и технологии и в уголовном судопроизводстве. Достаточно указать, например, на функционирование различных автоматизированных справочных правовых систем, облегчающих работу с правовыми актами, включая ГАС «Правосудие», программу «Автоматизированное рабочее место следователя» (АРМС); использование цифровых устройств для контроля поведения обвиняемого при применении мер пресечения; использование электронных способов и средств в доказывании и т.д.

Вместе с тем цифровизация уголовного процесса в Российской Федерации, судя по публикациям в научных и периодических изданиях, проходит медленнее, чем в других, в том числе близлежащих и когда-то входивших в общую правовую систему странах, отстает и уровень ее правового регулирования. Такое осторожное отношение к IT-технологиям понятно: уголовно-процессуальная деятельность традиционно считается сферой детального правового регулирования, призванного обеспечить высокий уровень как надежности результатов процессуальной деятельности, так и соблюдения прав ее участников. Тем не менее за последнее десятилетие правовому регулированию подверглись различные формы электронно-цифрового взаимодействия участников уголовного процесса, в числе которых: подача в суд разного рода заявлений, жалоб, ходатайств и представлений, выполненных путем заполнения специальной формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-коммуникативной сети Интернет, и прилагаемых к ним, преобразованных в электронный вид, документов (ч. 1 ст. 474¹ УПК РФ); изготовление судебных решений в электронном виде, размещение их на официальном сайте суда в информационно-коммуникативной сети Интернет, направление их копий или

электронных образов участникам уголовного судопроизводства (ч. 2, 3 ст. 474¹ УПК РФ); направление судебной повестки посредством информационно-коммуникативной сети Интернет, в частности электронной почты, мессенджеров, или путем размещения на официальном сайте суда в режиме ограниченного доступа; дистанционное участие в судебном заседании посредством видеоконференцсвязи (ст. 278¹ УПК РФ); аудиопотоколирование судебного заседания (ст. 259 УПК РФ); возможность трансляции судебного заседания с использованием радиотелевидения и информационно-коммуникативной сети Интернет (ст. 241 УПК).

Не осталось без внимания и досудебное производство. В Уголовно-процессуальном кодексе РФ действуют нормы, предусматривающие использование в качестве доказательств электронных носителей информации, изъятых в ходе следственных действий или примененных для ее копирования и сохранения (ст. 164¹); цифровой информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами (ст. 186¹); проведения ряда следственных действий (допрос, очная ставка, предъявление для опознания) с использованием систем видеоконференцсвязи (ст. 189¹).

Эти и другие технические решения, которые эффективно используются в уголовно-процессуальной деятельности, обусловили постановку научных задач, направленных на определение вектора развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации. Сформулирован достаточно широкий круг вопросов, требующих научного изучения и осмысления. Определенное ускорение внедрению цифровых технологий в практику российского уголовного судопроизводства придало введение ограничительных мер в связи с появлением коронавируса (COVID-19)¹.

Изучая данный феномен, российская научная общественность закономерно ставит вопросы о политическом значении цифровизации уголовного процесса², о совместимости цифровых технологий

¹ См.: *Сержантова Л.А.* Электронное судопроизводство как ответная мера на пандемию в 2020 году // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 1. С. 126–130.

² См.: *Масленникова Л.Н.* К вопросу о политическом значении цифровизации досудебного производства в уголовном процессе // Вестник Московского ун-та МВД России. 2020. № 3. С. 34–36.

и уголовного судопроизводства³, о направлениях и перспективах развития уголовного судопроизводства в условиях цифровизации⁴ и степени обеспечения прав участников⁵ и даже о возможностях использования искусственного интеллекта в уголовном процессе⁶ и т.д.

Однако при постановке и решении исследовательских задач в значительном количестве научных работ, на наш взгляд, неверно расставляются акценты в определении соотношения и взаимопроникновения исследуемых объектов: уголовного процесса и цифровых технологий. Введение цифровых продуктов и технологий в уголовное судопроизводство не должно быть «данью моде», оно должно преследовать сугубо утилитарные цели, помогать решать стоящие перед судопроизводством задачи. Это означает, что цифровые нововведения в первую очередь должны быть направлены на совершенствование процессуального инструментария там, где это возможно и допустимо с точки зрения целей такой деятельности, они должны «обслуживать» установленный законом порядок судопроизводства, а не создавать, по точному определению Л.В. Головки, «новый уголовный процесс»⁷.

Чтобы цифровые решения действительно стали эффективным инструментом, качество процессуальных институтов, подлежащих цифровизации, не должно вызывать замечаний в части их содержания, соответствия юридической технике, наличия противоречий и пробелов. Цифровой инструментарий должен создавать условия для эффективного использования процессуальных средств в практической деятельности, не подменяя их собой и не

³ См.: *Воскобитова Л.А.* Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // *Lex russica (Русский закон)*. 2019. № 5 (150). С. 91–104.

⁴ См.: *Андреева О.И.* К вопросу о перспективах развития уголовного процесса в условиях цифровизации общественных отношений // В сб.: *Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 100-летию Кубанского государственного университета / отв. ред. В.А. Семенцов. Краснодар, 2020. С. 11–18; Зайцев О.А.* Основные направления развития уголовно-процессуального законодательства в условиях цифровизации // *Вестник Московского ун-та МВД России*. 2020. № 3. С. 18–20; *Юркевич М.А.* Цифровое уголовное судопроизводство: какой процесс нас ждёт в ближайшем будущем, и о чем нельзя забывать в погоне за всеобщей диджитализацией // *Вопросы рос. и междунар. права*. 2020. Т. 10. № 5-1. С. 54–56.

⁵ См.: *Гладышева О.В.* Цифровизация уголовного судопроизводства и проблемы обеспечения прав его участников // *Юридический вестник Кубанского гос. ун-та*. 2019. № 1. С. 31–34.

⁶ См.: *Юркевич М.А.* Применение судом видеотехнологий в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.

⁷ *Головка Л.В.* Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция // *Вестник экономической безопасности*. 2019. № 1. С. 15–25.

изменяя их содержание. Ведь по своей сути цифровые технологии не что иное, как более совершенные способы, приемы осуществления процессуальной деятельности, позволяющие эффективно достигать поставленных целей.

Поэтому, прежде чем моделировать «цифровой» уголовный процесс, необходимо если не разрешить, то хотя бы учесть существующие проблемы правового регулирования с тем, чтобы, используя в том числе цифровые технологии, свести их негативный эффект к минимуму. Под таким углом зрения и рассмотрены проблемы цифровизации уголовного процесса отдельно в досудебном и судебном производстве, проанализированы высказанные в науке предложения и идеи, касающиеся применения различных цифровых продуктов и технологий, и на этой основе обозначены наиболее эффективные направления, способы и средства решения существующих проблем нормотворчества и правоприменения.

Исследовательская часть

Досудебное производство. Наиболее сложным для определения перспектив цифровизации является досудебное производство, разделенное на две стадии, три формы, объединяющее разнородные органы расследования и сложную систему взаимодействия руководящих ими лиц. Кроме того, многочисленные изменения, постоянно вносимые в Уголовно-процессуальный кодекс РФ под влиянием внешних факторов, затрудняют понимание предписаний уголовно-процессуального законодательства и значительно осложняют переход на новые технологии. Многие дополнения, как отмечается в литературе, отражают ведомственные интересы, излишне многословны, дублируют уже содержащиеся в законодательстве правила, не согласованы с ними, бессистемны, а то и бессмысленны⁸.

Несмотря на погрешности нормотворчества, отдельные цифровые технологии успешно применяются в досудебном производстве, например в процессе собирания доказательств. Это направление охватывает следующие вопросы: получение, изъятие и хранение информации с электронных носителей и на электронных носителях; применение цифровой техники для фиксации хода и результатов процессуальных, в том числе следственных, действий; использование цифровых продуктов в качестве доказательств и т.д. Отдельно следует назвать применение цифровых технологий для обеспечения

⁸ См.: *Белоносов В.О.* Об уголовно-процессуальном законодательстве в современных условиях // *Юридический вестник Самарского ун-та*. 2020. Т. 6. № 4. С. 67–71; *Его же.* Правовые проблемы уголовно-процессуального законодательства на современном этапе // *Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Томск, 25–27 января 2018 года / науч. ред. О.И. Андреева, Т.В. Трубникова. Томск, 2018. С. 27–34.*

надлежащего поведения подозреваемого, обвиняемого. Достижения технического прогресса за последние 20–30 лет позволяют гарантировать соблюдение обвиняемым условий меры пресечения при минимальном ограничении его гражданских прав и свобод с помощью электронных средств контроля за перемещением лица.

Вместе с тем специфика электронных продуктов и технологий обуславливает возможность их использования и по таким направлениям, как получение и передача больших объемов процессуальной информации; фиксация процессуальных действий; ведение процессуального документооборота (уголовного дела); организация коммуникации между удаленными участниками.

Наиболее проблемным является процесс перевода традиционной (бумажной) формы сохранения, получения и передачи процессуальной информации в электронную форму, т.е. создание электронного процессуального документооборота. Попытки создать в России такую платформу предпринимаются с конца 90-х годов XX в., однако до сих пор не увенчались успехом, о чем свидетельствуют многочисленные научные публикации⁹.

Объяснить сложившуюся ситуацию можно по-разному, как мы полагаем одна из причин – отсутствие ясности в понимании воли законодателя по основополагающим положениям уголовного судопроизводства. Трудности и противоречия в толковании норм права появляются с самого начала процессуальной деятельности, например, с понятия повода и оснований к возбуждению уголовного дела.

Повод к возбуждению дела в ст. 140 УПК РФ обозначен как сообщение или заявление о *преступлении*. Учитывая, что на момент получения органом расследования первичной информации о совершенном противоправном деянии не всегда можно сделать какие-либо прогнозы относительно его преступности, употребление законодателем термина «сообщение о преступлении» изначально дезориентирует правоприменителя и ставит его в сложное положение, заставляя на этом этапе подтвердить либо опровергнуть тезис о совершенном преступлении, в то время как решить указанную задачу можно лишь в ходе предварительного расследования.

⁹ См.: Гришин Д.А. Совершенствование применения информационных технологий в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Московского ун-та МВД России. 2019. № 3. С. 119–122; Загвоздкин Н.Н. Автоматизированное рабочее место следователя: проблемы разработки и внедрения в практику // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 1 (9). С. 82; Разумовская Е.А. Назначение и возможности программного комплекса «автоматизированное рабочее место следователя» // Криминалист. 2008. № 1. С. 63–65.

Помимо алогичности такой подход противоречит положениям ч. 2 ст. 140 УПК РФ, согласно которым для начала уголовно-процессуальной деятельности достаточно наличия *признаков, а не состава* преступления. До тех пор, пока в деянии не будет достоверно установлен состав преступления, говорить о преступлении преждевременно. Проблема не терминологическая: подмена понятий привела к постепенному размыванию границ между двумя стадиями досудебного производства, что стало особенно заметно с принятием Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ и вызвало массу критических замечаний¹⁰.

Полагаем более верным на начальном этапе уголовного процесса говорить не о преступлении, а о происшествии, имеющем признаки преступления, а его юридическую квалификацию устанавливать уже в ходе расследования. Соответственно, поводом должно рассматриваться не любое сообщение о происшествии, а сообщение, в котором содержится указание на признаки преступления, как на предусмотренное ч. 2 ст. 140 УПК РФ основание для начала процессуальной деятельности. Создать условия для получения сообщения, соответствующего указанным требованиям, не так сложно, если использовать автоматизированную информационную систему (АИС).

В этом отношении бесспорный интерес представляет уже показавший свою эффективность опыт ряда других государств. В частности, в научной литературе указывается на достижения Республики Казахстан¹¹, где с 2015 г. работает электронная система принятия, рассмотрения и регистрации сообщений об уголовных правонарушениях, которая фактически привела к исчезновению стадии возбуждения уголовного дела, поскольку решение о регистрации сообщения в Едином реестре досудебных расследований принимается в течение 24 часов с момента регистрации сообщения в книге учета информации. Четкая система требований к содержанию поступающих сообщений позволяет отсекаать заявления, в которых отсутствует информация о признаках именно уголовного правонарушения и освобождает органы расследования

¹⁰ См.: Мешков М.В., Гончар В.В. Уголовно-процессуальная деятельность в стадии возбуждения уголовного дела: проблемы правового регулирования // Мировой судья. 2015. № 4. С. 14–18; Масленникова Л.Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 // Актуальные проблемы рос. права. 2019. № 6 (103). С. 137–146.

¹¹ См.: Андреева О.И., Зайцев О.А. Электронный формат уголовного судопроизводства в Республике Казахстан // Юридический вестник Кубанского гос. ун-та. 2019. № 1. С. 34–40; Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий (ГАС «Доступ к правосудию») / отв. ред. Л.Н. Масленникова. М., 2022. С. 212–217.

от ненужной работы по проверке некриминальных сообщений. Использование цифровых технологий сопредельным государством позволило им вернуть первую стадию уголовного процесса к своей изначальной роли, суть которой в принятии решения о начале уголовно-процессуальной деятельности при наличии признаков преступления. Мы же для возбуждения уголовного дела фактически требуем установления состава преступления в рамках т.н. доследственной проверки, искажая при этом смысл как проверки, так и будущего расследования.

Следующая проблема логично вытекает из первой: она связана с определением начала процессуальной деятельности. Когда все-таки начинается уголовный процесс – с момента поступления / регистрации повода или с принятия решения о возбуждении уголовного дела? На первый взгляд решение этого вопроса напрямую не связано с технологией (цифровой или бумажной) официальной регистрации повода. Ведь от того, поступит сообщение о преступлении (происшествии) через интернет-ресурс или в бумажном виде, уполномоченное должностное лицо обязано совершить определенные действия и принять процессуальное решение. Но как показано выше на примере Казахстана, использование АИС приводит к стиранию границ между досудебными стадиями. Любая автоматизированная информационная система действует на основе четкого алгоритма последовательных, логически обоснованных и связанных между собой действий субъектов, определения начала и окончания процесса, способов «входа» и «выхода» из системы, обозначения роли каждого участника, в том числе «держателя» или руководителя процесса, и т.д. Поэтому поступление сообщения о деянии, содержащем признаки преступления, и его регистрацию (автоматическую на электронном носителе либо в ручном режиме) следует признать началом уголовного процесса и точкой отсчета срока предварительного расследования, прекратив тем самым длительные дискуссии по данному вопросу.

Если начало досудебной части уголовного процесса определяется моментом поступления сообщения о происшествии, содержащем признаки преступления, то его окончание совпадает с составлением процессуального акта, устанавливающего наличие совершенного преступления (его юридическую квалификацию). При таком подходе досудебное производство предстает как единое целенаправленное расследование, сконцентрированное на установлении состава преступления, в том числе лиц, его совершивших. Попытки законодателя сохранить автономность «доследственной проверки», обосновать ее необходимость, а фактически усилить ее роль и значение путем «опроецирования» проверочной деятельности, привели к превращению «доследственной проверки» в суррогат расследования.

Достаточно указать на перечень следственных действий, которые десятилетиями рассматривались исключительно как атрибут предварительного расследования, а сегодня проводятся до принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела (ч. 1 ст. 144 УПК РФ) и рассматриваются как полноценные способы получения доказательств (ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ) вне рамок предварительного расследования.

Игнорирование границ между пока еще сохраняющими юридическую самостоятельность стадиями уголовного процесса – возбуждением уголовного дела и предварительным расследованием, приводит к хаосу, неразберихе и дублированию процессуальных действий и в целом свидетельствует о назревшей необходимости реформирования досудебного производства. В связи с этим высказываются различные идеи, вплоть до упразднения стадии возбуждения уголовного дела путем ее преобразования в дознание¹² и ликвидации самого дознания как самостоятельной формы предварительного расследования¹³. Способы решения этой проблемы могут быть разными, но для начала остановимся на вопросе, имеющем, на наш взгляд, концептуальное значение: это проблема сохранения в процессуальном обороте самого понятия «уголовное дело», которое в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РФ «возбуждают, расследуют, рассматривают и разрешают». В действительности же, следуя правилам русского языка, расследуют не уголовное дело, а происшествие; рассматривают не уголовное дело, а представленные сторонами доказательства; разрешают не уголовное дело, а вопросы, составляющие суть приговора, главный среди которых – это вопрос о виновности обвиняемого в совершении преступления.

До тех пор, пока законодатель оперирует данной категорией и сохраняет значимость уголовного дела от начала до окончания уголовного процесса, исключить обвинительный уклон в деятельности суда и прервать преемственность в отношениях стороны обвинения и суда вряд ли удастся. Уголовное дело, как атрибут обвинительной власти, переходит из одной стадии в другую, нивелируя значимость процессуальных функций остальных участников, препятствуя объективности суда и развитию состязательности.

Попытки законодателя трансформировать понятие «уголовное дело» в «уголовное преследование» не увенчались успехом, уголовное дело остается

¹² См.: *Махов В.Н.* Заменить стадию возбуждения уголовного дела на стадию полицейского дознания // Закон и право. 2016. № 2. С. 27–29.

¹³ См.: *Мальшева О.А.* О необходимости отказа от дознания как процессуальной формы расследования // Актуальные проблемы рос. права. 2020. Т. 15. № 9 (118). С. 80–92.

«центром» процессуальной деятельности властных участников, объединяя тем самым деятельность стороны обвинения и суда «с момента возбуждения уголовного дела и до момента исполнения приговора»¹⁴. Вызывает озабоченность тот факт, что ученые не предлагают альтернатив сложившемуся порядку документооборота, а обсуждают проблемы цифровизации существующего *уголовного дела*, возможности оцифровки материалов *уголовного дела*, создания электронного *уголовного дела*¹⁵, полной или частичной замены бумажного документооборота электронным, в том числе для облегчения и ускорения ознакомления с ними участников уголовного процесса, а также для предотвращения утраты материалов *уголовного дела*¹⁶.

Учитывая мировые тенденции и достигнутый во многих странах уровень цифровизации, описанный в научной литературе¹⁷, переход к цифровому документообороту в Российской Федерации представляется достаточно близким по времени результатом развития цифрового общества. Полагаем, что к этому времени мы должны говорить уже не о цифровизации уголовного дела, а о цифровизации процессуальной деятельности ее властных субъектов. Необходимо отказаться от понятия уголовного дела как стержня, пронизывающего все стадии судопроизводства, заменив его терминами, обозначающими результаты процессуальной деятельности отдельно для стороны обвинения и суда. Иными словами, речь идет о создании новых правил документооборота в смешанном по типу российском уголовном процессе, создании документооборота отдельно для досудебного производства и для судебного.

Использование АИС в досудебном производстве позволит по-новому формировать материалы расследования и формировать на их основе ту часть, которая должна направляться в суд. Предлагаем следующую схему: закончив расследование, орган предварительного следствия направляет прокурору не привычное для нас уголовное дело, а дело (кейс, производство, материалы), содержащее итоговый

процессуальный акт обвинения (акт, заключение, постановление), определяющий предмет будущего судебного рассмотрения, и документы, планируемые к использованию для обоснования обвинения в суде. Прокурор, утвердив итоговый процессуальный акт обвинения (акт, заключение, постановление), направляет его в суд. При этом документы, обосновывающие обвинение, должны оставаться в ведении прокурора и представляться им в судебное разбирательство в соответствии с тактикой обвинения. Часть материалов расследования, которые не планируется использовать в судебном разбирательстве, должна оставаться в архивах органов расследования и предъявляться по требованию прокурора или суда.

Предрешая вопросы о возможности и целесообразности сохранения права стороны защиты на ознакомление с материалами досудебного производства, можно отметить, что такая целесообразность, безусловно, сохраняется в отношении тех материалов, которые сторона обвинения планирует представлять в судебном заседании для обоснования обвинения. Аналогичное правило должно действовать и в отношении остальных участников. В судебной практике по гражданским делам эта процедура называется раскрытие доказательств. Электронный доступ к материалам, подтверждающим обвинение, может быть открыт с момента принятия решения об окончании расследования. Будет этот доступ осуществлен на электронной платформе органов расследования либо на судебной платформе, должны ответить специалисты, проектирующие данные программные продукты. Впрочем, могут быть и другие варианты.

Сторона защиты не обязана представлять в суд какие-либо документы, отражающие и подтверждающие ее позицию, но поскольку она вправе это сделать на основании действующего регулирования, вполне возможно, а в условиях цифровизации даже необходимо, нормативно определить процессуальную форму для обозначенных актов стороны защиты. Есть повод вспомнить исключенный из Уголовно-процессуального кодекса РФ шестой раздел, содержавший формы всех процессуальных документов. Эта опередившая время задумка разработчиков Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с цифровизацией становится актуальной.

В немалой степени проблема «уголовного дела» связана с неправомерным отождествлением в Уголовно-процессуальном кодексе РФ понятий «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство». Фактически речь идет о законодательном соединении двух принципиально различных видов деятельности: досудебном предварительном расследовании, имеющем правоохранительную сущность, и судебном производстве, обеспечивающем

¹⁴ Макарова О. В. Совершенствование судопроизводства путем внедрения электронной формы уголовного дела // Журнал рос. права. 2019. № 2 (266). С. 159–168.

¹⁵ См.: Далгалы Т. А. К вопросу о системе электронных уголовных дел: опыт зарубежных стран // Вестник РНУ. Сер. «Человек и общество». 2020. № 2. С. 152–155.

¹⁶ См.: Зуев С. В., Никитин Е. В. Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем // Всеросс. криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 3. С. 41–52; Цоколова О. И., Безруков С. С., Куприянов Е. И. Актуальные проблемы восстановления утраченных уголовных дел // Росс. юстиция. 2018. № 5. С. 24–30.

¹⁷ См.: Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий (ГАС «Доступ к правосудию») / отв. ред. Л. Н. Масленникова. С. 185 и сл.

правозащитную функцию уголовного процесса. Юридическое, организационное и техническое разделение досудебного и судебного производства в рамках уголовного процесса — есть залог достижения целей правосудия.

Судебное производство. Наиболее готовыми к переходу на более высокий технологичный уровень взаимодействия между участниками представляются судебные стадии уголовного процесса, которые направлены главным образом на проверку законности и обоснованности обвинения, выдвинутого и сформулированного в ходе досудебного производства. Объектом судебных стадий являются не обстоятельства преступления, а фактические основания обвинения, исследование которых осуществляется судом с участием обеих сторон. Цифровизация уголовно-процессуальной деятельности в судебных стадиях уголовного процесса имеет два основных направления: электронный документооборот и дистанционное участие в судебных процедурах. Исходя из предмета и содержания судебной части российского уголовного процесса (судопроизводства), применение цифровых технологий целесообразно начать с введения судебного документооборота (судебного дела); получения и передачи процессуальной информации; фиксации хода судебного заседания.

Если уголовное дело, сформированное в ходе досудебного производства (в нашей логике, это следственное дело), останется в ведении органа предварительного расследования, а в суд будет направляться утвержденный прокурором обвинительный акт (постановление, заключение), то вполне ожидаемо создание судебной АИС уже в ближайшем будущем. Суд должен самостоятельно формировать свое (судебное) дело, начиная с обвинительного акта (заключения, постановления), как повода к началу судебной деятельности, независимо от технологии документооборота — бумажной или электронной. В последнем случае — при введении электронного документооборота, судебные процедуры станут более доступными для участников уголовного судопроизводства. Полезным здесь может оказаться опыт гражданского судопроизводства.

Новые технологии должны позитивно сказаться на реализации требования об осуществлении уголовного судопроизводства в разумный срок, поскольку позволят обеспечить быстрое получение, фиксацию и передачу процессуальной информации (ознакомление с протоколом судебного заседания, представленными жалобами, ходатайствами и прочими документами) и оперативно на них реагировать. Такие технологии призваны заменить рутинную работу и сделать процесс упорядоченным и прозрачным. Можно ожидать также повышение значения требования о непосредственности исследования доказательств, в особенности показаний,

как гарантии независимости суда от результатов предварительного расследования.

Примерно по такому пути идет и мировая практика. За последние 15–20 лет во многих государствах начался, а в некоторых уже завершен процесс перевода документооборота судов на электронные платформы. Успешно проходит процесс цифровизации в Турции, которая в 2012 г. получила премию ООН в области государственной службы за создание национальной электронной судебной системы UYAP, связавшей все судебные учреждения и обеспечившей электронный документооборот судебных процессов. По заявлению руководителя отдела информационных технологий Министерства юстиции Турции Сервет Гюль, с введением электронных технологий «судебная служба стала более быстрой, прозрачной и экономически эффективной»¹⁸. Дальнейшее совершенствование электронного правосудия Турция связывает с разработкой зарегистрированной электронной почты, портала правоохранительных органов, банка судебных данных, электронного залога и портала электронных продаж. В Италии процесс цифровизации начался с гражданского судопроизводства. Получив положительные результаты в виде ежегодной экономии судебных расходов в размере 55 млн евро при увеличении исковых обращений в суд на 25%, Министерство юстиции Италии продолжило работу по расширению системы электронного правосудия на уголовные дела¹⁹. В Мексике цифровизация судопроизводства началась в 2002 г. с введением «виртуального трибунала» по гражданским делам. Это электронная система, предоставляющая в любой точке мира доступ к любому судебному делу через специальное приложение. Раскрывая достоинства данной системы, Хуан Пабло Райгос, член судебного совета штата Гуэво-Леон в Мексике, подчеркнул, что «виртуальный трибунал сводит к минимуму вероятность коррупции, ускоряет судопроизводство и позволяет рассматривать большее число дел с меньшим числом сотрудников»²⁰.

¹⁸ Online justice: why courts should explore emerging digital possibilities (Онлайн-правосудие: почему суды должны изучать новые цифровые возможности). URL: <https://www.theguardian.com/public-leaders-network/2017/jan/16/online-justice-courts-explore-digital-possibilities>

¹⁹ См.: Law Ministry in process of digitising 14,000 courts for fast tracking of pending cases (Министерство юстиции в процессе оцифровки 14 000 судов для быстрого отслеживания незавершенных дел). URL: <https://www.opindia.com/2018/04/law-ministry-in-process-of-digitising-14000-courts-for-fast-tracking-of-pending-cases/>

²⁰ Panel discussion on “E-justice: sharing national experiences in enhancing transparency, effectiveness and access to justice” in New York on 1 June 2016 (Материалы дискуссионного форума на тему «Электронное правосудие: повышение прозрачности, эффективности и доступа к правосудию». Нью-Йорк, 1 июня 2016 г.). URL: <https://www.un.org/ruleoflaw/blog/2016/06/e-justice-sharing-national-experiences-in-enhancing-transparency-effectiveness-and-access-to-justice/>

Возвращаясь к российскому судопроизводству, следует отметить, что в сложной системе судебной деятельности можно выделить те ее формы, осуществление которых с удаленным участием сторон, активно внедряемым в мировую практику судопроизводства, не отразится негативно на качестве судебной деятельности. Таковыми являются кассационное и надзорное производства, а также процедура возобновления дела ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств. Именно для этих производств технологии удаленного доступа особенно актуальны ввиду удаленности кассационных и надзорной инстанций от мест нахождения осужденных как факторов, обуславливающих их высокую стоимостную и временную затратность.

Легкость решения о проведении заседания кассационного или надзорного суда с использованием ВКС обеспечивается также особенностью его процедуры: требование обязательного участия только прокурора, допуск осужденного, оправданного и защитника лишь при условии заявления соответствующего ходатайства. Добавим, что именно это обстоятельство, позволяющее обоснованно критиковать положения ч. 2 ст. 401¹³ УПК РФ за ограничение принципа состязательности, в том числе и в тех случаях, когда рассматривается вопрос об изменении приговора к худшему, преодолимо именно с помощью видеотехнологий, которые обеспечивают реализацию права стороны защиты быть выслушанной судом, принимающим решение, выслушать и оспорить аргументы прокурора.

Еще одним фактором в пользу судебных заседаний с удаленным участием является отсутствие необходимости непосредственного исследования доказательств. Например, проведение заседаний в форме предварительного слушания. Формально в предварительном слушании, проводимом в связи с ходатайством об исключении недопустимых доказательств, в качестве свидетелей могут быть допрошены лица, которым что-либо известно об обстоятельствах производства следственных действий или изъятия и приобщения к делу документов (ч. 8 ст. 234 УПК РФ), однако даже если такая практика где-то имеет место, количественно она явно незначительна (нам о таких случаях неизвестно). Суды, как правило, и не без оснований, оставляют такие ходатайства без рассмотрения до судебного разбирательства, поскольку для их объективного разрешения зачастую требуется всестороннее исследование не одного, а ряда доказательств, связанных с тем, об исключении которого заявлено ходатайство. Можно ожидать, что это положение ст. 234 УПК РФ рано или поздно постигнет судьба ее же ч. 6, которая предусматривала возможность допроса свидетеля по вопросу об алиби и была исключена еще в 2006 г.

Режим видеоконференцсвязи в состоянии обеспечить эффективное рассмотрение уголовного дела в особом порядке (гл. 40, 40¹, 23¹ УПК РФ) ввиду отсутствия судебного следствия. По тем же причинам к полному переходу на дистанционное взаимодействие с участниками уголовного процесса готовы судебные процедуры, проводимые в соответствии со ст. 108, 125 и 165 УПК РФ. При этом те участники, идентификация которых не требуется или не вызывает затруднений, могут с успехом использовать и личные средства web-связи. Впрочем, механизм удаленного взаимодействия с судами органов расследования и адвокатских образований, а значит, и взаимодействующих с ними физических лиц, может и, очевидно, должен решаться иначе.

Развитие технологий видеоконференции требует обновления правового регулирования. Обеспечивая доступность правосудия, они также способствуют активной реализации участниками уголовного процесса правовых возможностей, что может привести к переосмыслению некоторых процессуальных институтов. В частности, может утратить или снизить актуальность т.н. заочное судебное производство, поскольку возможность дистанционного участия лица, обвиняемого в преступлении небольшой и средней тяжести (ч. 4 ст. 247 УПК РФ), да и пребывающего за пределами Российской Федерации (ч. 5 ст. 247 УПК РФ), если он не скрывается от правосудия, нивелирует сложности личной явки. В полной мере на видеоконференцпроцедуры может перейти судебная деятельность по решению вопросов, связанных с исполнением приговора.

Названные выше виды судебной деятельности отличаются от собственно судебного разбирательства значительно более формализованной сущностью. Они не только не требуют, но и не допускают непосредственного допроса свидетелей, потерпевших, обвиняемых, экспертов, поскольку в них решается вопрос о наличии формальных оснований для принятия правоприменительного решения, сведения о которых представлены суду в письменном виде, а доступ к ним должен быть обеспечен всем участникам процедуры. И даже в случаях, предусмотренных гл. 32¹, 40 и 40¹ УПК РФ, суд, постановляя обвинительный приговор, решает, строго говоря, вопрос о доказанности обвинения, доверяясь позиции прокурора, утвердившего итоговый обвинительный документ, и заявлению обвиняемого, который обвинение не оспаривает.

Главный объект проверки и оценки в таких процедурах — соблюдение соответствующих требований уголовно-процессуального закона, чем и объясняется допустимость различных форм дистанционного участия заинтересованных лиц, которое вполне обеспечивает реализацию права каждого из них довести до сведения суда свою позицию

по рассматриваемому вопросу, изложить свои аргументы.

Не исключаем применение режима удаленного доступа и к общему порядку судебного разбирательства, обеспеченного ввиду значимости и последствий принимаемого решения (приговора) технической возможностью видеозаписи судебного заседания. Это как минимум снижает риск искажения записи показаний допрашиваемых лиц в протоколе и обеспечивает возможность непосредственного исследования апелляционным судом доказательств без повторного допроса, если, разумеется, видеозапись не свидетельствует о нарушении процедуры. Основное внимание при переходе на такой режим работы приходится на соблюдение гарантий прав соответствующих участников уголовного процесса и аутентификации личности на основе известных и апробированных технологий. Считаем, что дальнейшее изучение этой тематики приведет к пересмотру существующего порядка судебного рассмотрения преступлений небольшой или средней тяжести, по которым отсутствует спор по вопросу о вине. Для данной категории уголовных дел вполне уместно использование т.н. онлайн-заседаний, позволяющих минимизировать судебные расходы при соблюдении гарантированных законом прав и свобод участников.

Последнее направление цифровизации судопроизводства самое экзотическое, так как связано с использованием искусственного интеллекта при рассмотрении уголовных дел. Сможет ли машина заменить человека в принятии решения по уголовному делу и требуется ли такая замена? С технической стороны никаких проблем нет. Составить программу, способную учитывать различные аспекты и факторы в поведении человека, сопоставить их с юридической квалификацией деяния и подвести к определенному решению о виновности или невиновности лица, гипотетически и даже практически возможно. Уже в полную меру действуют такие программы в административной практике, в части привлечения к административной ответственности за совершение правонарушения, зафиксированного видеокамерой. Но насколько эта технология применима в уголовном судопроизводстве?

Л.А. Воскобитова, рассматривая проблемы совместимости уголовного судопроизводства и цифровых технологий, справедливо отмечает, что риск судебных и следственных ошибок значительно возрастает, если процессуальные решения и действия будут осуществляться машиной, запрограммированной и действующей на принципах предельного упрощения и формализации информации²¹. Полагаем, что такой вопрос вообще не должен ставиться,

²¹ См.: Воскобитова Л.А. Указ. соч. С. 94.

когда речь идет о преступлениях и наказании. Учитывая тяжесть обвинения и суровость уголовной ответственности, только человек должен решать вопрос о виновности другого лица в совершении преступления.

Заключение

Представляется очевидным, что цифровизация должна превратить уголовный процесс в более технологичный, четко структурированный, алгоритмичный, в идеале — более рациональный, желательный, еще и более эффективный вид государственной деятельности. Цифровые онлайн-платформы, обеспечивающие электронный документооборот отдельно в досудебной и судебной частях процесса, а также электронное взаимодействие множества участников уголовного процесса, способны значительно уменьшить субъективный элемент в процессуальной деятельности и ту часть ошибок, которые порождаются недостатками знаний, опыта и профессиональной деформацией, поскольку необходимая информация будет «подказана» соответствующими модулями, предоставляющими пользователю целесообразный выбор решения.

Цифровые платформы, обеспечивающие электронный документооборот, позволят в режиме реального времени осуществлять контрольные и надзорные полномочия, быстро согласовывать и утверждать процессуальные решения, исправлять в них ошибки без возвращения составителю, доводить принятые решения до сведения соответствующих участников уголовного процесса. Применение цифровых технологий, как справедливо отметил Л.В. Головкин, является «локальной оптимизацией уголовного процесса»²², потребует внесения существенных, в том числе концептуальных, изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Правовое регулирование уголовно-процессуальной деятельности в итоге должно стать более строгим, не допускающим разночтений в истолковании терминов. Это значит, что при переходе уголовного процесса на более технологичный уровень следует решить некоторые давно назревшие проблемы правового регулирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева О.И. К вопросу о перспективах развития уголовного процесса в условиях цифровизации общественных отношений // В сб.: Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 100-летию Кубанского государственного университета / отв. ред. В.А. Семенов. Краснодар, 2020. С. 11–18.
2. Андреева О.И., Зайцев О.А. Электронный формат уголовного судопроизводства в Республике Казахстан // Юри-

²² Головкин Л.В. Указ. соч. С. 15–25.

- дический вестник Кубанского гос. ун-та. 2019. № 1. С. 34–40.
3. *Белонос В. О.* Об уголовно-процессуальном законодательстве в современных условиях // Юридический вестник Самарского ун-та. 2020. Т. 6. № 4. С. 67–71.
  4. *Белонос В. О.* Правовые проблемы уголовно-процессуального законодательства на современном этапе // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Томск, 25–27 января 2018 года / науч. ред. О. И. Андреева, Т. В. Трубникова. Томск, 2018. С. 27–34.
  5. *Воскобитова Л. А.* Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex russica (Русский закон). 2019. № 5 (150). С. 91–104.
  6. *Гладышева О. В.* Цифровизация уголовного судопроизводства и проблемы обеспечения прав его участников // Юридический вестник Кубанского гос. ун-та. 2019. № 1. С. 31–34.
  7. *Головки Л. В.* Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.
  8. *Гришин Д. А.* Совершенствование применения информационных технологий в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Московского ун-та МВД России. 2019. № 3. С. 119–122.
  9. *Далгалы Т. А.* К вопросу о системе электронных уголовных дел: опыт зарубежных стран // Вестник РНУ. Сер. «Человек и общество». 2020. № 2. С. 152–155.
  10. *Загвоздкин Н. Н.* Автоматизированное рабочее место следователя: проблемы разработки и внедрения в практику // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 1 (9). С. 82.
  11. *Зайцев О. А.* Основные направления развития уголовно-процессуального законодательства в условиях цифровизации // Вестник Московского ун-та МВД России. 2020. № 3. С. 18–20.
  12. *Зуев С. В., Никитин Е. В.* Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 3. С. 41–52.
  13. Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий (ГАС «Доступ к правосудию») / отв. ред. Л. Н. Масленникова. М., 2022. С. 185, 212–217.
  14. *Макарова О. В.* Совершенствование судопроизводства путем внедрения электронной формы уголовного дела // Журнал рос. права. 2019. № 2 (266). С. 159–168.
  15. *Мальшева О. А.* О необходимости отказа от дознания как процессуальной формы расследования // Актуальные проблемы рос. права. 2020. Т. 15. № 9 (118). С. 80–92.
  16. *Масленникова Л. Н.* К вопросу о политическом значении цифровизации досудебного производства в уголовном процессе // Вестник Московского ун-та МВД России. 2020. № 3. С. 34–36.
  17. *Масленникова Л. Н.* Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 // Актуальные проблемы рос. права. 2019. № 6 (103). С. 137–146.
  18. *Махов В. Н.* Заменить стадию возбуждения уголовного дела на стадию полицейского дознания // Закон и право. 2016. № 2. С. 27–29.
  19. *Мешков М. В., Гончар В. В.* Уголовно-процессуальная деятельность в стадии возбуждения уголовного дела: проблемы правового регулирования // Мировой судья. 2015. № 4. С. 14–18.
  20. *Разумовская Е. А.* Назначение и возможности программного комплекса «автоматизированное рабочее место следователя» // Криминалистика. 2008. № 1. С. 63–65.
  21. *Сержантова Л. А.* Электронное судопроизводство как ответная мера на пандемию в 2020 году // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 1. С. 126–130.
  22. *Цоколова О. И., Безруков С. С., Куприянов Е. И.* Актуальные проблемы восстановления утраченных уголовных дел // Росс. юстиция. 2018. № 5. С. 24–30.
  23. *Юркевич М. А.* Применение судом видеотехнологий в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.
  24. *Юркевич М. А.* Цифровое уголовное судопроизводство: какой процесс нас ждёт в ближайшем будущем, и о чем нельзя забывать в погоне за всеобщей диджитализацией // Вопросы рос. и междунар. права. 2020. Т. 10. № 5-1. С. 54–56.
  25. Online justice: why courts should explore emerging digital possibilities. URL: <https://www.theguardian.com/public-leaders-network/2017/jan/16/online-justice-courts-explore-digital-possibilities>
  26. Panel discussion on “E-justice: sharing national experiences in enhancing transparency, effectiveness and access to justice” in New York on 1 June 2016. URL: <https://www.un.org/ruleoflaw/blog/2016/06/e-justice-sharing-national-experiences-in-enhancing-transparency-effectiveness-and-access-to-justice/>

REFERENCES

1. *Andreeva O. I.* On the prospects for the development of the criminal process in the conditions of digitalization of public relations // In the collection: Judicial reform in modern Russia: results, problems and prospects: materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of the Kuban State University / ed. by V. A. Sementsov. Krasnodar, 2020. P. 11–18 (in Russ.).
2. *Andreeva O. I., Zaitsev O. A.* Electronic format of criminal proceedings in the Republic of Kazakhstan // Legal Herald of the Kuban State University. 2019. No. 1. P. 34–40 (in Russ.).
3. *Belonosov V. O.* On criminal procedural lawmaking in modern conditions // Legal Herald of the Samara University. 2020. Vol. 6. No. 4. P. 67–71 (in Russ.).
4. *Belonosov V. O.* Legal problems of criminal procedural lawmaking at the present stage // Legal problems of strengthening Russian statehood: collection of Art. Tomsk, January 25–27, 2018 / scientific eds. O. I. Andreeva, T. V. Trubnikova. Tomsk, 2018. P. 27–34 (in Russ.).
5. *Voskobitova L. A.* Criminal proceedings and digital technologies: compatibility problems // Lex russica (Russian Law). 2019. No. 5 (150). P. 91–104 (in Russ.).
6. *Gladysheva O. V.* Digitalization of criminal proceedings and problems of ensuring the rights of its participants // Legal

- Herald of the Kuban State University. 2019. No. 1. P. 31–34 (in Russ.).
7. *Golovko L.V.* Digitalization in criminal proceedings: local optimization or global revolution // Bulletin of Economic Security. 2019. No. 1. P. 15–25 (in Russ.).
  8. *Grishin D.A.* Improving the use of information technologies in the pre-trial stages of criminal proceedings // Herald of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 3. P. 119–122 (in Russ.).
  9. *Dalgaly T.A.* On the issue of the system of electronic criminal cases: the experience of foreign countries // Herald of the RNU. Ser. “Man and society”. 2020. No. 2. P. 152–155 (in Russ.).
  10. *Zagvozdkin N.N.* Automated workplace of the investigator: problems of development and implementation in practice // Siberian criminal procedural and criminalistic readings. 2016. No. 1 (9). P. 82 (in Russ.).
  11. *Zaitsev O.A.* Main directions of development of criminal procedure legislation in the conditions of digitalization // Herald of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3. P. 18–20 (in Russ.).
  12. *Zuev S.V., Nikitin E.V.* Information technologies in solving criminal procedural problems // All-Russian Criminological journal. 2017. Vol. 11. No. 3. P. 41–52 (in Russ.).
  13. The concept of building criminal proceedings that provide access to justice in the context of the development of digital technologies (GAS “Access to justice”) / res. ed. L.N. Maslennikova. M., 2022. P. 185, 212–217 (in Russ.).
  14. *Makarova O.V.* Improving judicial proceedings by introducing an electronic form of a criminal case // Journal of Russ. law. 2019. No. 2 (266). P. 159–168 (in Russ.).
  15. *Malysheva O.A.* On the need to abandon the inquiry as a procedural form of investigation // Actual problems of Russ. law. 2020. Vol. 15. No. 9 (118). P. 80–92 (in Russ.).
  16. *Maslennikova L.N.* On the question of the political significance of digitalization of pre-trial proceedings in criminal proceedings // Herald of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3. P. 34–36 (in Russ.).
  17. *Maslennikova L.N.* Transformation of pre-trial proceedings into the initial stage of criminal proceedings, providing access to justice in the era of Industry 4.0 // Actual problems of Russ. law. 2019. No. 6 (103). P. 137–146 (in Russ.).
  18. *Makhov V.N.* To replace the stage of initiation of a criminal case with the stage of a police inquiry // Law and law. 2016. No. 2. P. 27–29 (in Russ.).
  19. *Meshkov M.V., Gonchar V.V.* Criminal procedural activity at the stage of initiation of a criminal case: problems of legal regulation // Justice of the Peace. 2015. No. 4. P. 14–18 (in Russ.).
  20. *Razumovskaya E.A.* Purpose and capabilities of the software package “automated workplace of the investigator” // Criminalist. 2008. No. 1. P. 63–65 (in Russ.).
  21. *Sergeantova L.A.* Electronic legal proceedings as a response to the pandemic in 2020 // Judicial power and criminal procedure. 2021. No. 1. P. 126–130 (in Russ.).
  22. *Tsokolova O.I., Bezrukov S.S., Kupriyanov E.I.* Actual problems of restoration of lost criminal cases // Russ. Justice. 2018. No. 5. P. 24–30 (in Russ.).
  23. *Yurkevich M.A.* Application of video technologies by the court in criminal proceedings: dis. ... PhD in Law. M., 2021 (in Russ.).
  24. *Yurkevich M.A.* Digital criminal proceedings: what process awaits us in the near future, and what should not be forgotten in the pursuit of universal digitalization // Questions of Russ. and International Law. 2020. Vol. 10. No. 5-1. P. 54–56 (in Russ.).
  25. Online justice: why courts should explore emerging digital possibilities. URL: <https://www.theguardian.com/public-leaders-network/2017/jan/16/online-justice-courts-explore-digital-possibilities>
  26. Panel discussion on “E-justice: sharing national experiences in enhancing transparency, effectiveness and access to justice” in New York on 1 June 2016. URL: <https://www.un.org/ruleof-law/blog/2016/06/e-justice-sharing-national-experiences-in-enhancing-transparency-effectiveness-and-access-to-justice/>

Сведения об авторах

ВЕРШИНИНА Светлана Ивановна — доктор юридических наук, доцент, директор Института права Тольяттинского государственного университета; 445020 г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14
ORCID: 0000-0002-3501-3632

ЛАЗАРЕВА Валентина Александровна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского национального исследовательского университета им. акад. С.П. Королева; 443086 г. Самара, Московское шоссе, д. 34
ORCID: 0000-0003-2725-9517

Authors' information

VERSHININA Svetlana I. — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Law at Togliatti State University; 14 Belorusskaya str., 445020 Togliatti, Russia

LAZAREVA Valentina A. — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Academician S.P. Korolev of Samara National Research University; 34 Moscovskoe Highway, 443086 Samara, Russia